

Г. Ю. Устьянцев

**ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ МАРИЙЦЕВ
ПОВЕТЛУЖЬЯ: ЭТНИЧЕСКОЕ ОБОСОБЛЕНИЕ
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ**

Статья посвящена проблеме идентичности марийского населения поликультурного региона Поветлужья (Нижегородская область). На основе полевого материала автор исследует репрезентацию своей этнической принадлежности северо-западными марийцами как «изолированной» от других групп марийского населения. Особое внимание уделено фольклорным персонажам как этносимволическому аспекту локальной идентичности, языковому и религиозному факторам этнического самовосприятия ветлужских марийцев. Согласно полевым материалам и результатам проведенных ранее исследований, современное марийское население Нижегородской области реже использует свой национальный язык, чем марийцы других регионов. В большинстве сфер общественной жизни функционирует русский язык. В настоящее время в исследуемом регионе практически не сохранились культовые практики марийской традиционной религии. В то же время марийский аспект локальной культуры (марийские праздники, ремесла) актуализируется благодаря активистам этнокультурного развития марийцев.

Ключевые слова: северо-западные марийцы, нижегородские марийцы, народы Поветлужья, северо-западный диалект марийского языка, Ош Пондаш, Ирга, этническая идентичность.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-129-138

Задача данного исследования – выделить особенности этнической идентичности марийского населения Нижегородской области с опорой на тексты расширенных интервью. В основе статьи – полевые материалы¹, собранные в январе – феврале 2021 г. в Нижегородской области, а именно в Тонкинском (Тонкино, Старые Краи), Тоншаевском (Тоншаево, Большая Куверба, Ошары, Большие Ашкаты, Большой Одушнур), Шарангском (Шаранга, Черномуж) районах. Среди информантов – жители поселков и деревень, ассоциирующие себя с марийской этнической группой, преимущественно зрелого и пожилого возраста (более сорока пяти лет). Респонденты определяли себя как марийцев, реже – как ветлужских марийцев. Большая часть опрошенных – работники культуры и национальные активисты.

Важно определить концептуальный подход к феномену идентичности, релевантный для изучения локальной этнической группы. В этнологии можно выделить несколько основных направлений в изучении этнических сообществ. Отечественные ученые XX в. преимущественно исходили из позиций примордиализма – направления, с точки зрения которого этничность является изначально заданной категорией, наследуемой и воспроизводимой всеми членами сообщества. В основе советской примордиалистской концепции лежала теория этноса. Под данным понятием большинство авторов подразумевало «группу людей, говорящих на одном язы-

¹ Далее – ПМА

ке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличаемых ею от других групп» [Широкогоров 1923, 13]. Теория этноса была дополнена Ю. В. Бромлеем, В. В. Пименовым и другими советскими этнографами. Примордиализм нацелен, скорее, на выявление объективных черт культуры, чем на изучение самовосприятия и саморепрезентации индивида. В настоящее время данная теория рассматривается большинством ученых как неактуальная.

Самой распространенной концепцией идентичности в наши дни является конструктивизм. Сторонники этого теоретического направления полагают, что этнические и национальные сообщества созданы политическими институтами и самими членами общностей, которые приписывают себе некую идентичность. По мнению норвежского исследователя Ф. Барта, члены этнических групп в процессе своей коммуникации сами воспроизводят этнические границы [Барт 2006, 10–11]. Согласно подходу Б. Андерсона, этнические группы являются «воображаемыми», то есть существующими в сознании людей, условными. Участников группы объединяет сама концепция общей (национальной) культуры, а также деятельность культурных активистов [Андерсон 2001]. По мнению другого классика антропологии Э. Хобсбаума, этнические группы, появившиеся в Новое время, основаны на «изобретенных традициях». Под такими традициями автор подразумевал черты культуры, воспринимаемые как «аутентичные» и общепринятые, при этом созданные с целью сплотить социальные группы [Хобсбаум 2002, 335–336]. Дальнейшее развитие идеи конструктивизма получили в работе Р. Брубейкера «Этничность без групп». Автор исследовал явление этничности как результат процессов категоризации и фреймирования социальных групп Нового и Новейшего времени [Брубейкер 2012, 63–68].

С критикой теории этноса выступает отечественный этнолог В. А. Тишков. Автор книги «Реквием по этносу» указывает на политизацию этничности в современном обществе [Тишков 2003]. Компромиссным вариантом между примордиализмом и конструктивизмом является этносимволизм – подход, разработанный в трудах американского ученого Э. Смита и его последователей. По мнению антрополога, формирование этносоциальных групп нельзя интерпретировать только как результат действия интеллигенции и политических элит [Smith 2009, 58–59]. С помощью институтов образования, искусства и коллективных практик невозможно скрепить общество в единую этническую группу или нацию: важны также разделяемые всеми черты культуры, а также символы этничности [Smith 2009, 43–44]. Для данного исследования ценны тезисы конструктивизма, а именно – большая роль акторов национального движения и самосознания в актуализации этнической идентичности.

Ветлужские марийцы как отдельная этническая группа.

Фреймирование идентичности

Группа северо-западных (ветлужских, нижегородских марийцев) представляет собой этническую категорию марийцев, проживающих в нескольких районах Нижегородской области: Тонкинском, Шахунском, Шарангском, Воскресенском и Тоншаевском. В настоящий момент в области официально существует три зарегистрированных национально-культурных некоммерческих организации (НКО): тонкинских, шарангских и шахунских марийцев. Информанты отмечают, что ранее функционировала и НКО нижегородских (городских) марийцев, однако в настоящее время официально она не существует [ПИМА 2021, Шахунья]. НКО выполняют важную функцию в мобилизации деятельности национальных активистов, в организации мероприятий и праздников. Крайне важна юридическая составляющая деятельности НКО: данные структуры имеют возможность реализовывать грантовые проекты. Лидеры трех НКО, а также информанты автора данной статьи, подчеркивали в интервью этнический (марийский) компонент локальной культуры. Национальные лидеры выступают в роли своего рода «многофункциональных» специалистов: они являются работниками культуры, администрации, занимаются музыкальным творчеством и организуют работу музеев. В деревне Ошары Тоншаевского райо-

на местный активист создал Дом ремесел, задача которого – популяризировать ткацкое мастерство. Сейчас в здании ДК восстанавливают ткацкие станки, обучают мастерству местных жительниц и изготавливают продукцию на продажу. Ткачество транслируется мастерами как своего рода «бренд» локальной этнической культуры.

Еще один важнейший аспект идентичности нижегородских марийцев – это географическое положение ареала их расселения. Жители обследованных регионов (Тоншаевского, Тонкинского, Шахунского районов) находятся в изоляции от крупных городов Поволжья: областного центра Нижнего Новгорода, Кирова, Йошкар-Олы. Затруднено взаимодействие с марийским населением других регионов. Краевед Н. В. Морохин, автор самого полного этнографического труда о ветлужских марийцах, также отметил удаленность марийских деревень Нижегородской области, в особенности Тонкинского района, от других марийцев: «В силу все тех же неправомерно проведенных границ области и районов тонкинские марийцы оказались в этнической изоляции. Совсем рядом, в нескольких километрах, марийские села и деревни Кикнурского района Кировской области, но туда нет дороги, нет возможности строить единую культурную работу, примерно такие же затруднения при контактах с марийцами Шарангского района» [Морохин 1994, 45–48]. В то же время близость русского населения предопределяет «обрусение» марийцев, усвоение черт иноэтничной культуры вплоть до смены идентичности.

Популярным среди местной интеллигенции является историографическое суждение о том, что изначальная «родина» марийцев, центр их этногенеза – Поволжье, откуда в дальнейшем они двигались на Восток, формируя другие этнографические группы. С опорой на данные археологии, фольклористики, топонимики ряд исследователей предполагает, что расселение предков марийцев проходило с правобережья Волги и Ветлуги на левобережную сторону [Сепеев 2006, 25–58]. Именно в Нижегородской области, согласно «народной» интерпретации этой научной гипотезы, сохранились «аутентичные» черты традиционной марийской культуры.

Данные районы Нижегородской области являются полиэтническими, поэтому выявить здесь единый комплекс этнических символов, олицетворяющих региональную культуру, сложно. Представители Тонкинского района отмечают малое число проживающих здесь марийцев по сравнению с русскими. Местные респонденты полагали, что марийская культура более выражена в соседних Тоншаевском и Шарангском районах. Жители Тонкино и окрестных деревень говорят о большом количестве старообрядческих семей староверов-беспоповцев в районе, что может быть рассмотрено как своего рода локальная этнографическая достопримечательность. Само название поселка – Тонкино, согласно фольклорным данным, происходит от имени основательницы поселения староверки Антонины [ПМА 2021, Тонкино]. Активисты Тонкинского района также стремятся сделать «брендом» опустевшую деревню Простоквашино (данный населенный пункт не имеет прямого отношения к произведениям Э.Н. Успенского). Эта деревня, по их мнению, является единственной в России с таким говорящим литературным названием. В Простоквашино уже установлены фигуры персонажей известного мультфильма, здесь также планируется создание развлекательной туристической площадки [ПМА 2021, Простоквашино].

Локальное наречие как языковой аспект идентичности

Отличительной особенностью северо-западных марийцев, подчеркивающей их обособленность от других этнографических групп марийцев, является отсутствие литературной нормы местного наречия. Локальный вариант марийского языка не рассматривается учеными как отдельный язык. Созданная в 1995 г. система письма, зафиксированная в букваре «*Маре букварь: Иктѳмшѳ класслан учебник*» («Марийский букварь. Учебник для первого класса», 1995), является экспериментальной и в настоящее время не имеет широкого распространения. Некоторые символы этого букваря не внесены в Юникод. Северо-западное наречие марийского совмещает в себе черты двух литературных марийских языков – луговосточного и горно-

го. Признаки, сближающие наречие с лугововосточным марийским: лабиальная гармония, фонемы *h*, совпадение множества слов и корней. В локальном наречии также отмечается наличие таких черт горномарийского, как фонемы *ä*, *ï*, палатальная гармония, ударения в некоторых словах [Иванов, Тужаров 1970, 13–14]. По словам респондентов, они понимают оба языка, хотя и с некоторыми трудностями, в то время как носителям литературных марийских языков северо-западное наречие воспринимать сложнее [ПМА, 2021]. Исследователи выделяют в северо-западном марийском три наречия: яранский, шарангский и тоншаевский [Иванов, Тужаров 1970, 10]. А. А. Утятин полагает, что три северо-западных наречия этого диалекта формировались отдельно друг от друга [Утятин 2006].

В Нижегородской области, как выяснилось в ходе полевых работ, отсутствовало системное преподавание в школе какого-либо литературного марийского языка, что ограничило сферу его применения и распространения. Исследователь Н. В. Морохин отмечает, что учебники марийского были непонятны для местных учащихся [Морохин 1994, 49]. Преимущественное число опрошенных, в основном, использует локальное наречие в повседневном бытовом общении и редко читает книги и прессу, слушает радио на марийских языках [ПМА 2021].

Системное исследование говоров нижегородских марийцев началось в 1920-х гг. и было связано с потребностью в создании письменности для языков народов СССР (процесс коренизации). В 1922 г. марийские языковеды посетили Тоншаевский и Яранский районы. В дальнейшем в науке встал вопрос о статусе северо-западного говора. «Таким образом, в отношении места северо-западного наречия в системе марийских диалектов существовало две точки зрения: одни считали его северным говором горного наречия, большинство же склонялись к тому, что данный диалект является особым наречием» [Утятин 2006]. В 1930-х гг. к изучению северо-западного наречия приступил Марийский научно-исследовательский институт (МарНИИ). М. П. Чхаидзе и И. Ф. Андреев пришли к выводу, что язык марийцев Тоншаевского района более близок к горномарийскому, чем к луговосточному [Чхаидзе, Андреев 1937]. В. Я. Мухин выделил северо-западную языковую общность в самостоятельную диалектную группу, которую обозначил как «санчурско-яранскую». В 1952 г. МарНИИ организовал лингвистическо-фольклорную экспедицию для создания грамматики и марийско-русского словаря. Термин «северо-западное» наречие предложили в 1958 г. И. С. Галкин и Л. П. Грузов [Иванов, Тужаров 1970, 10]. Филологи подчеркнули обособленность северо-западной языковой общности от горного и лугового марийского. По мнению лингвиста И. Е. Егорова, язык ветлужских марийцев «не относится ни к горному, ни к луговому и восточному наречиям, он занимает промежуточное положение между горным и луговым наречиями» [Егоров 1961, 146]. И. Г. Иванов и Г. М. Тужаров, авторы книги «Северо-западное наречие марийского языка», также отмечают «промежуточное» положение этой лингвистической общности [Иванов, Тужаров 1970, 13].

Во второй половине XX – начале XXI в. изучение отдельных говоров нижегородских марийцев продолжили И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров, Е. М. Андрианов, А. А. Утятин. В 1971 г. был выпущен словарь северо-западного марийского языка [Иванов, Тужаров 1971]. Большинство ученых сходятся во мнении, что северо-западное наречие не относится ни к лугововосточному, ни к горному языкам.

В настоящее время северо-западное наречие ни в одном из регионов Российской Федерации не имеет статуса официального языка, что существенно сужает сферу его применения. Посчитать количество носителей этого наречия представляется затруднительным: в ходе Всероссийской переписи 2010 г. он учитывался как луговой марийский или просто марийский язык. Несмотря на созданную в конце XX в. письменность, локальный вариант марийского языка так и не обрел собственной литературной традиции. Обособленное положение языка ветлужских марийцев дополняет «изоляционный» характер их идентичности. Выбор языка (language choice) определяет формирование идентификации, выраженной в чувстве принадлежности к группе, пользующейся одним языком в повседневной жизни [Кююн 2015, 20]. Особенно ак-

туален языковой фактор в активизации идентичности этнического меньшинства, в данном случае – марийского, соседствующего с русским населением.

– *А вы понимаете марийский письменный, луговой или горный?* (Устьянцев Г. Ю.)

– *Я – нет.*

– *Ну, все равно со словарем мы переводим песни, поем. Мы все песни взяли с Марий Эл, заменили на наш диалект, не ихние слова, а наши. Суть не меняем»* [ПМА 2021, коллективное интервью, Куверба].

Современники в то же время отмечают переход на русский язык, постоянное сокращение числа говорящих на марийском:

«*А сейчас все на русском потому что, только дома на марийском, а раньше все на марийском было, и дома общаются, а сейчас на работу идешь – все на русском. Марийского языка никогда не было у нас в школах, в области не было»* [ПМА 2021, коллективное интервью, Куверба].

Религиозно-мифологическое пространство культуры.

Фольклорные «символы» локальной истории

В республике Марий Эл и в регионах проживания восточных марийцев традиционная религия (язычество) является одним из аспектов этнической идентичности. Часть местного населения называет себя «язычниками» (*чимари*), посещает священные рощи (*ото, кўсото*), поклоняется священным деревьям. Большая группа населения придерживается двоеверия, сочетая православную религию с языческой. В республике Марий Эл традиционная религия получает государственную поддержку, оформлена общественная религиозная организация. Из интервью с большинством респондентов из Нижегородской области следует, что в настоящее время местные священные рощи редко используются в культовой практике. Коллективные моления сменяются домашними.

«*Ходили в рощи. Мы вот еще помним. Мы еще сами ходили в рощи, в марийской (республике) ездили, в Тоншаевском тут, но хорошо помним еще, как было»* [ПМА 2021, коллективное интервью, Куверба].

– *А здесь сейчас нет карта, приезжает откуда-то?* (Устьянцев Г.Ю.)

– *Здесь есть, женщина проводит. Ну, сейчас-то вообще редко ходим, все больше семьями стали ходить отдельно. Молодежь сейчас не та. А еще скрывают, что ходят. А вот раньше еще ходили, объявляли, что колхоз не работает, все готовятся в молельную рощу, весь народ знал. В шестьдесят каком-то было еще, а сейчас больше родственники зовут на обед просто»* [ПМА 2021, Шахунья].

Тем не менее некоторые особенности традиционной религии известны, например, жителям Тоншевского района. Ранее, согласно традиции, местные жители поклонялись богу солнца (*Кэцэ Юмо*), ходили в рощу на Агавайрем и осенью [ПМА, коллективное интервью, Куверба, 2021]. В монографии Н. В. Морохина 1994 г. есть описание имеющихся в районах Нижегородской области священных рощ. Он описывает четыре рощи в Тонкинском районе, шестнадцать рощ и священных деревьев в Тоншаевском и двадцать две рощи в Шарангском районе, многие из них на момент сбора полевого материала автором уже не использовались. В интервью современников широко представлены мотивы наказания за осквернение и рубку священных рощ. Так, посягнувших на культовые места, согласно поверьям, ждала смерть, болезни. В результате уничтожения природно-культурных объектов исчезали целые деревни. Существенных расхождений с религиозными представлениями других марийцев автором данной статьи не выявлено. Большая часть населения посещает православные храмы или определяет себя как двоеверцев.

Несказочная проза местного населения также близка к фольклору других этнографических групп марийцев. Среди ветлужских мари бытуют поверья о лесных духах, банных чертях

(пан ия²), домовых (сүсөткө, пöрт оза³) кереметах⁴, овда⁵ [ПМА, коллективное интервью, Кувэрба, 2021]. Также распространены былички и бывальщины о «нехороших» местах: оврагах, домах, дорогах с негативной репутацией. Как везде в сельской местности бытуют нарративы о святящихся объектах и полтергейсте, о явлении душ покойников (привидениях). Пласт представлений о низшей демонологии не выявляет особенностей, которые могли бы восприниматься местными как отличительная черта культуры.

Многие этнографические и региональные группы марийцев имеют свои специфические нарративы о «золотом веке истории». Так, горные марийцы почитают *Акпарса*, местного сотенного князя времен Ивана Грозного; легендарного правителя *Чумбулата* обожествляют в нескольких районах республики Марий Эл и в Кировской области. Авторы описывают некоторых легендарных героев ветлужских марийцев, определяя их как «национальных»: князя *Ош Пондаша* (Бай Борода Никита Иванович) и девушку-охотницу *Иргу* [Акшиков 2012, 100–104]. Сведения об этих персонажах локального фольклора весьма неоднозначны как в краеведческой литературе, так и в представлениях современников. В. А. Акцорин и К. И. Ситников приводят несколько описаний *Ош Пондаша*: 1) «белое божество», которое, согласно легенде, явилось во сне старику и предупредило о скором затоплении его деревни. Жители деревни покинули низину перед появлением на этом месте озера. Сейчас *Ош Пондаш* в образе старика с бородой также является во снах, предвещая болезни и смерть. 2) Второе значение – *керемет/суртан*, злой дух, которого называли *Некошем* [Акцорин 1991, 179–180, 198; Ситников 2006, 95]. Н. В. Морохин относит его к категории низших божеств (*кереметов*) [Морохин 1994, 209]. В современном фольклоре подобные образы не представлены. Только некоторые из северо-западных марийцев, в основном, национальные активисты, знают об этом персонаже, определяя его как богатыря-героя: А. П. Жуков в статье «*Ош Пондаш* в легендах и летописях» соотносит образ *Ош Пондаша*, правителя и карта, с реальным историческим персонажем, жившем в пятнадцатом веке. Князь *Байборода*, согласно приводимым им данным, был первым правителем в Поветлужье, принявшим христианство. После его смерти в 1420 г. Ветлужское княжество оказалось под влиянием татар [Жуков 2015]. По данным фольклора, *Байборода*, он же *Ош Пондаш*, захоронен в Тоншаевском районе, в Ромачинской роще, в которой ему поклонялись как старцу с белой бородой [статья «*Ош Пондаш нерген*», *Кугарня*, 2011]. «Рассказывалось, что он (*Ош Пондаш*) жил внутри липы и выходил из нее на рассвете, говорилось о целительной силе дерева, необходимости приносить ему подарки, страхе перед ним» [Морохин 1994, 206].

Текст легенды о девушке *Ирге*, записанный в 1930-х гг. краеведом Павлом Березиным, приводит Н. В. Морохин. Лучница *Ирга* была взята в плен разбойниками и отказалась говорить, где находятся марийские поселения и сколько там воинов. Девушка не сказала ничего, за что была повешена врагами на сосне. Местные жители затем похоронили ее под этим деревом. Далее Павел Березин приводит данные о том, что в 1913 г., когда в Тоншаевском районе прокладывали железную дорогу, местные жители отказались рубить эту сосну. В 1943 (или 1962) г. ее «выворотила» буря [Морохин 1994, 94–96]. Исследователь Н. В. Морохин записал аналогичный сюжет об *Ирге* в 1985 г. в Шахунье [Морохин 1994, 191]. На основе легенды К. К. Васин создал художественную версию фольклорного текста – сказку «Непобежденная Ветлуга», согласно которой девушку казнили воины хана [Васин 1974, 31–32]. Описанные фольклорные образы почти не известны современным жителям указанных районов, в том числе Тоншаевского, с легендарной историей которого они связаны. Интервьюируемые признавались, что узнали об этих персонажах уже во взрослом возрасте из художественной или научной литературы [ПМА, 2021]. В качестве источников информации опрошенные называют кни-

² «Пан» – в пер. с северо-западного наречия – «баня»; «ия» в марийских языках – черт. Пан ия – банник, банный черт.

³ В пер. с марийского – домовый, хозяин дома.

⁴ *Керемет* – в марийской мифологии злой дух, обитатель «нехороших» локусов пространства, дьявол.

⁵ *Овда* – женское демоническое существо марийской мифологии. Согласно поверьям, обитает в лесах и обладает колдовскими чарами; лесная ведьма.

ги Н. В. Морохина, энциклопедические издания и прессу. По словам большинства респондентов, им не рассказывали эти легенды в семье или в кругу односельчан. В школе, ввиду отсутствия национального компонента в образовании, фольклорные сюжеты об *Ирге* и *Ош Пондаше* (*Байборде*) также не освещались.

«В детстве-то мы родителей-то не видели, кто на ферме работал, уходили в пятом часу и когда приходили. Нас в школу отправляла бабушка все. Когда народу было отдыхать, рассказывать-то всего, только работали» [ПМА 2021, коллективное интервью, Куверба].

«Тогда же наши родители не имели связи с марийской (республикой). Нашей матери некогда было, а бабушки не было, мать все время работала. Такой литературы же не было еще тогда. Литературы не было, а потом уже пошла связь с марийской, с Марий Эл» [ПМА 2021, Шахунья].

Рассматривать данные персонажи в качестве «этнических символов», на наш взгляд, затруднительно. Информация о них стала актуальной уже во второй половине XX в. на волне публикаций о марийской культуре и не имеет широкого распространения среди местных жителей. Представления современников о местных героях фольклора довольно расплывчаты. Знания о них преимущественно транслируются национальными активистами.

– *Ош Пондаш, Вы сказали сейчас, это кто? (Устьянцев Г. Ю.).*

– *Белая борода, это тоншаевский... Видать-то, он всей округой владел, да я не знаю, что.*

– *Это кто? (Устьянцев Г. Ю.).*

– *Мифический герой, наверное. Нет?*

– *Богатырь марийский, белая борода, я не знаю.*

– *Этих героев марийских да куча, наверное* [ПМА 2021, Старые Краи, интервью с супругами].

– *Богатырь Ош Пондаш – марийский богатырь»* [ПМА 2021, Черномуж].

– *Так, Ирга это вот, растение...*

– *Нет, это девушка Ирга.*

– *Ярга.*

– *Почему Ярга? Ирга, это раньше жила девушка, которая население предупредила о захвате сел, она всех предупредила, а сама не успела уйти, потом ее там, это, пытали да что, убили ее. Это Тоншаевские марийцы, есть же все у Морохина, почитайте там* [ПМА 2021, коллективное интервью, Старые Краи].

Важно отметить, что актуализация локального фольклора (песен, легенд, праздников), как отмечают респонденты, происходит под влиянием этнических процессов в республике Марий Эл. Большая часть литературы, передач, посвященных марийской культуре, производится именно там.

– *А в честь Ош Пондаша тут проводят вот праздники? (Устьянцев Г.Ю.)*

– *В марийской (республике) проводят, у нас нет такого, чтобы отдельный был.*

– *А богатырей каких-нибудь нет марийских?*

– *У нас нет, они, может быть, в каких-то сценариях бывают, а так отдельно. Ну, если на праздник там... Вот был день марийской культуры, первый-то, в девяносто первом году. Вот на лошади сидел он, Ош Пондаш. Это первый праздник марийской культуры здесь, в деревне, был, и у нас мужчины переоделись в богатырей... Сценарий составлял с марийской приезджал, вот оттуда, как он* [ПМА, 2021, коллективное интервью, Куверба].

Заключение

Местные марийцы подчеркивают *изоляционный* характер своей этно-территориальной группы, связанный с лингвистическими особенностями и территорией проживания. Местные мифологические и фольклорные образы, черты материальной культуры не представляют собой символов, ассоциируемых с локальной группой марийцев как самими марийцами, так и сосед-

ними народами. Носители традиции указывают на «обрусение» культуры, отход от традиционных религиозных практик. Основными каналами репрезентации марийской идентичности выступают национальные активисты, а также музеи и дома ремесел. Большое «этнообразующее» влияние на ветлужских марийцев оказывают национальные деятели и институты соседней республики Марий Эл, в которой этнический компонент культуры более выражен.

ЛИТЕРАТУРА

- Акцорин В. А.* Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. / Сост. В. А. Акцорин. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1991. 288 с.
- Акишников А. Г.* Двенадцать марийских героев // Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. Ончыко, 2012. № 1. С. 97–104.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышление об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 286 с.
- Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы. Под ред. Фредрика Барта; пер. с англ. Игоря Пильщикова. М.: Новое изд-во, 2006. 198 с.
- Брубейкер Р.* Этничность без групп. / Перевод с английского И. Борисовой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
- Васин К. К.* Сабля атамана: [Рассказы] [Для сред. школьного возраста] / С марийск. пер. В. Муравьев; Рис. А. Архиповой. М.: Дет. лит, 1974. 142 с.
- Егоров И.* Лексика северо-западного наречия марийского языка // Труды МарНИИ. Вып. XV. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1961. С. 145–155.
- Жуков А. П.* Ош Пондаш в легендах и летописях // Волжская правда, 2015. Волжск: ООО «Волжские вести». [Электронный ресурс].
- Иванов И. Г., Тужаров Г. М.* Диалекты марийского языка. Выпуск II. Словарь северо-западного наречия марийского языка / И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1971. 304 с.
- Иванов И. Г., Тужаров Г. М.* Северо-западное наречие марийского языка. Диалекты марийского языка. Выпуск 1. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1970. 216 с.
- Кююн Э.* Роль сохранения языка как символа при формировании идентичности // Ежегодник финно-угорских исследований, 2015. Т. 9. Вып. 2. С. 19–28.
- Морохин Н. В.* Нижегородские марийцы. Сборник материалов для изучения этнической культуры марийцев / Сост. Н. В. Морохин. Йошкар-Ола, 1994. 250 с.
- Ош Пондаш нерген // Кугарня, 2011. 18 марта, № 11(1109). Йошкар-Ола, С. 11.
- Сенеев Г. А.* История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 200 с.
- Ситников К. И.* Словарь марийской мифологии. Том 1. Боги, духи, герои... Йошкар-Ола, 2006. 160 с.
- Тишков В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Утятин А. А.* Шарангский говор в системе марийских диалектов: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2006. 21 с.
- Хобсбаум Э. Дж.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализмы / Перевод с английского и немецкого Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 332–346.
- Чхаидзе М. П., Антонов И. Ф.* Язык марийцев Тоншаевского района Горьковской области (из итогов языковой экспедиции). Труды МарНИИ. Козьмодемьянск: Горномарийский филиал Марийского кн. изд-ва, 1940. С. 93–99.
- Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай: Отдельный оттиск из LXVII Известий Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета, 1923. 134 с.
- Anthony D. Smith.* Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. New York, Routledge, 2009. 184 p.

Поступила в редакцию 20.09.2021

Устьянцев Герман Юрьевич,

аспирант,

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН,

119071, Россия, г. Москва, ул. Ленинский проспект, д. 32 А,

email: ustyanyan-93@mail.ru

H. Y. Ustyantsev

**FEATURES OF THE VETLUGA MARI'S IDENTITY:
ETHNIC ISOLATION IN A MULTICULTURAL REGION**

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-129-138

This article is devoted to the problem of identity of the Mari population living in the multicultural region of the Vetluga river (Nizhny Novgorod Oblast). Based on the field material, the author explores representation of the North-Western Mari people's identity as "isolated" from the Mari population of other regions. The author pays special attention to folklore characters as an ethnosymbolic aspect of the local identity, linguistic and religious factors of the ethnic self-perception of the Vetluga Mari. According to field materials and earlier studies, the modern Mari population of the Nizhny Novgorod region uses the Mari language less often than the Mari people of other regions. The Russian language is widespread in most spheres of public life. Currently, the cult practices of the Mari traditional religion have practically not been preserved in the analyzed region. At the same time, the Mari aspect of local culture (Mari holidays, crafts) is actualized thanks to ethno-cultural activism.

Keywords: North-Western Mari, Nizhny Novgorod Mari, peoples of the Vetluga region, North-Western dialect of the Mari language, Osh Pondash, Irga, ethnic identity.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 1. P. 129–138. In Russian.

REFERENCES

Akshikov A. G. Dvenadtsat' mariiskikh geroev [Twelve Mari heroes]. Onchyko [Go ahead]. Ioshkar-Ola: Mari Publishing House, 2012. № 1. P. 97–104. In Russian.

Aktsorin V. A. *Marii kalyk oipogo. Mariiskii folklor: Mify, legendy, predaniya* [Mari folklore: myths, legends, stories]. Ioshkar-Ola: Mari Publishing House, 1991. 288 p. In Mari and Russian.

Anderson B. *Voobrazaemye soobshchestva: razmyshlenie ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, Kanon-press-TS Publ., 2001. 286 p. In Russian.

Barth F. *Ehtnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy* [Ethnic Groups and Boundaries]. Moscow. New Publishing House, 2006. 198 p. In Russian.

Brubaker R. *Ehtnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow, Higher School of Economics, 2012. 408 p. In Russian.

Chkhaidze M. P., Antonov I. F. Yazyk mariitsev Tonshaevskogo rajona Gor'kovskoi oblasti (iz itogov yazykovoi ekspeditsii) [The language of the Mari people of the Tonshaevo District of the Gorky Oblast (based on the linguistic expedition)] // Trudy MaRNII [Works of The Mari National Research Institute], 1940. P. 93–99.

Egorov I. Leksika severo-zapadnogo narechiya mariiskogo yazyka [Vocabulary of the North-Western dialect of the Mari language] // Trudy MaRNII [Works of The Mari National Research Institute] № XV. Ioshkar-Ola, The Mari National Research Institute, 1961. In Russian.

Hobsbawm E. J. Printsip ehtnicheskoі prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoі Evrope [The principle of ethnicity and nationalism in modern Europe]. Natsii i natsionalizmy [Nations and Nationalisms]. Moscow, 2002. P. 332–346. In Russian.

Ivanov I. G., Tuzharov G. M. Severo-zapadnogo narechiya mariiskogo yazyka [The North-Western dialect of the Mari language]. V II t. *Dialekty mariiskogo yazyka* [Dialects of the Mari language]. Ioshkar-Ola: Marknigoizdat [The Mari Book Publishing House], 1970. 216 p. In Russian.

Ivanov I. G., Tuzharov G. M. Slovar' severo-zapadnogo narechiya mariiskogo yazyka [Dictionary of the North-Western dialect of the Mari language]. V II t. *Dialekty mariiskogo yazyka* [Dialects of the Mari language]. Ioshkar-Ola: MaRNII Publ [The Mari National Research Institute], 1971. 304 p. In Russian.

Küün E. Rol' sohraneniya yazyka kak simvola pri formirovaniy identichnosti [Role of Survival of the Language as a Symbol upon Formation of Identity]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. Vol. 9. Issue 2. 2015. P. 19–28. In Russian.

Morokhin N. V. *Nizhegorodskie mariitsy. Sbornik materialov dlya izucheniya ehnticheskoi kul'tury mariitsev* [Nizhny Novgorod Mari people. Collection of materials for the study of the ethnic culture of the Mari people]. Ioshkar-Ola, 1994. 250 p. In Russian.

Osh Pondash nergen [About Osh Pondash]. Kugarnya [Friday]. № 11(1109). Ioshkar-Ola, Ministry of Culture, Press and Ethnic Affairs of the Republic of Mari El, 2011. 11 p. In Mari.

Sepeev G. A. *Istoriya rasseleniya mariitsev* [The history of the settlement of the Mari people] Ioshkar-Ola, The Mari National Research Institute Publ, 2006. 200 p. In Russian.

Shirokogorov S. M. *Ehtnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya ehnticheskikh i ehntograficheskikh yavleniy* [Ethnos. The study of the basic principles of changing ethnic and ethnographic phenomena]. Shanghai, 1923. 134 p. In Russian.

Sitnikov K. I. Bogi, dukhi, geroy [Gods, spirits, heroes]. V I t. *Slovar' mariiskoi mifologii* [Dictionary of Mari mythology]. Ioshkar-Ola. 2006. 160 p. In Russian.

Tishkov V. A. *Rekviem po ehntosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos: Studies in Socio-cultural Anthropology]. Moscow. Nauka Publ, 2003. 544 p. In Russian.

Utyatin A. A. *Sharangskiy govor v sisteme mariiskikh dialektov. Dis. kand. filol. Nauk.* [Sharang dialect in the system of Mari dialects. Cand. philol. sci. diss]. Ioshkar-Ola, 2006. 21 p. In Russian.

Vasin K. K. *Sablya atamana* [Ataman's saber]. Moscow. Children's Literature Publ., 1974. 142 p. In Russian.

Zhukov A. P. *Osh Pondash v legendakh i letopisyakh* [Osh Pondash in legends and chronicles]. *Volzhsk. Volzhskaya Pravda* [The Volga Truth], 2015. [Electronic resource]. In Russian.

Anthony D. Smith. *Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach.* New York. Routledge, 2009. 184 p. In English.

Received 20.09.2021

Ustyantsev German Yurievich,

Postgraduate student of the Miklukho-Maklay
Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Center for European Studies,
32A, Leninsky Prospekt, Moscow, 119071, Russian Federation,
email: ustyan-93@mail.ru